

Юлия Капустян

Папа- на- шкафу

18+

Юлия Капустян
Папа-на-шкафу
Серия «Азбука. Голоса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74537366

Папа-на-шкафу: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-35072-4

Аннотация

Оле девять лет, она живет с мамой и бабушкой, а еще она уверена, что ее папа – вампир. Правда, папа умер, когда Оля была совсем маленькой, так что, может быть, это выдумки, но тогда зачем ему являться к ней по ночам? О том, что папа – вампир, ей сказала говорящая кошка Ксюша – вернее, передала через подружку Полинку, а Полинка могла и приврать. Оля очень боится тоже стать вампиром, а в остальном она почти обычная девчонка из Краснодара нулевых. Школа, противные одноклассники и не менее противная классуха, непонятный мир взрослых, телевизор (там так много интересного!), дружба с бездомным Скорлупой, Пиковая дама в ванной комнате, а главное – попытки понять, достаточно ли Оля хороша, чтобы ее любили...

«Папа-на-шкафу» – роман о детстве нулевых, таком, какое было у многих. Мама на работе, а папы и вовсе нет, бабушка хочет видеть в тебе ответственную личность, а тебе грустно и одиноко. Это роман о том, каково быть ребенком, когда мир непрочен,

зыбок и чуть фантасмагоричен. Мир, в котором одинаковы шансы навсегда провалиться в магическое зазеркалье или попасться в лапы реальному маньяку.

Используется нецензурная брань!

Содержание

1	6
2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юлия Капустян

Папа-на-шкафу

© Ю. С. Капустян, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Олино тело окаменело, стало чужим, вросло в полосатый матрас с пружинами, натянулось и беззвучно стонет, бьется, но не может сдвинуться с места. Взгляд метнулся к ручке двери, к шкафу, но не на него, не поднимется – нет-нет-нет. Слишком уж страшненько. Оля знает, что на шкафу сидит папа. Папа умер, когда ей исполнилось три с хвостиком. А теперь он приходит с кладбища, будит вот так по ночам, сидит на шкафу и пугает. Папочка разинул свою черную-дырку-вместо-лица – беззубый ледяной рот, голодный портал, соединяющий мир живых и мир мертвых. Он растопырился на шкафу, как несуразная кукла, и смотрит, смотрит, смотрит. Пиявкой прожрал старую штукатурку. Просочился. Всверлился из мира кошмаров. Его не должно здесь быть. Хищнопалый. Холодный и злой. Смотрит и ждет, а ей и не вздрогнуть. Он почти ее задушил одним лишь присутствием. А бабушка предупреждала!

1

– Олечка, детка, послушай...

Бабушка Света поставила перед Олей чашку горячего чая.

– Мне как-то приснилась тетя Катя, царствие ей небесное, стояла она, значит, передо мной – вся мертвая, серая, с длинными черными волосами и в белой сорочке, мокрой по пояс. Это все потому, что она вутопленница!

Оля представляла живую бабушку и мертвую тетю Катю на арене цирка. Тетя Катя синюшная, в предлинном грязно-белом платье, громко хрустит суставами шеи. Бабушка Света бодро разминается, прыгает на месте и крестится, приговаривая: «Боже упаси, Боже упаси». Вдруг тетя Катя утробно клокочет, как издыхающий кит, а потом булькает своими мертвыми внутренностями и показательно ломает стул – надвое, легким движением рук. И обломки швыряет трибунам. Зрители свистят, хлопают еще громче.

Бабушка Света шинкует капусту и лук.

– Стоит она, значит, трясется вся и говорит: Света-а-ачка-а... Холодно мне здесь.

Прямо над мертвой тетей Катей вырастает белая туча – милая, но только с виду. Взаправду туча кусачая – она пышет холодом и хватает и без того ледяную тетю Катю за ее мертвые лодыжки. Тетя Катя дрожит. Ее движения замедленны.

– Я говорю ей: Катя, голубушка, а от меня ты чего хочешь?

Уж не по мою ли ты душу пришла?

Бабушка на арене подтягивает свои красные спортивные трусы, бодро хрустит суставами, наотмашь крестится и получает мертвым кулаком тетя Кати прямо во вставную челюсть. Челюсть эта картинно летит над ареной, как взбесившаяся комета, и описывает косую дугу. Тетя Катя нависает над бабушкой Светой, ее черные волосы спутались и парят единым и жутким комом. Зрители заунывно гудят: У-у-у-у-у. Туча загорается всполохом молнии, глухо грохочет, снега становится еще больше – идет что-то типа мини-метели.

– А она мне: Све-е-ет, а Све-е-ет, а помнишь мои сапоги любимые? С бляшкой. Принеси-ка мне их, а то лежать совсем холо-о-одно... – Бабушка Света изображает призрачный вой, одновременно пробует суп на соль и причмокивает. – А то ноги дубеют. Ну и я потом пошукала эти ейные сапоги. Сперва думала, уже все – пропали.

Оля представила: бабушку Свету уже замело снегом до самой макушки. А мертвые тетя-Катины ноги покрылись толстой ледяной коркой – так она стала похожа на неуклюжую слониху. Кажется, это конец.

– Но потом в сарае, под тряпками, в пакетах нашлись. Их снесла на кладбище, а через девять дней мне снова тетя Катя пришла во сне, но теперь румяная, теплая, встала она из гроба – в волосах ленты цветные, сорочка с вышивкой, в сапогах начищенных. И говорит: «Спасибо тебе, Светлана, в этом сезоне будет хороший урожай огурцов, и если Савельев

придет денег занять, то ты ему не давай, он человек нечестный...»

Вдруг кто-то из толпы закидывает на арену пару красных сапог с красивыми бляшками. Сапоги эти оживают и бегут несколько кругов трусдой. А потом самонапяливаются на ноги к бабушке Свете. Она вскакивает подвижно, как кошка, и пытается прорваться к обмерзшей тетя Кате сквозь уже мега-метель. Рывок! У нее получается! Бабушка Света ловко снимает сапоги и прикапывает их в ближайший к тетя Кате сугроб. И плачет, копает, и слезы из глаз размером с садовую сливу. Бабушка закапывает сапоги и плачет, плачет и закапывает сапоги, будто бы в трансе. Мертвая тетя Катя волшебным образом преображается – волосы ее распутываются и сами собой заплетаются в претолстую косу с цветастыми лентами, ледяные корки на ее слоновьих ногах рассыпаются в черепки. Аплодисменты! Трибуны победно воют. Туча схлопывается со свистом. Сугробы тают – смываются горячей слезной рекой. Под тем из них, куда были прикопаны сапоги, – пусто. Ничего не осталось. По всей арене вьется проворная огуречная лоза и обильно плодоносит в движении – уже взвилась до самого купола цирка. Все трибуны, зрителей, арену и вообще все вокруг засыпает тоннами хороших пальчиков-огурцов! Олина бабушка ликует и молится. Зрители скандируют: «Савельев – нечестный человек! Савельев – человек нечестный!» По мертвой щеке катится слеза, живой нос звонко шмыгает – старушки обнимаются, вместе плачут.

И наконец, мертвая тетя Катя тает в воздухе, оставив за собой шлейф синеватого блеска, как настоящая фея.

Бабушка Света буднично режет кирпичик хлеба к обеду.

– Ты знаешь, Олечка, если к тебе придет кто-то мертвенький...

– Например, папа?

– Ну, может быть.

Воображаемый Олей цирк затянуло серым. Зрители встревоженно ахают, шепчутся, кто-то уходит. Арена меняется до неузнаваемости. В самом ее центре разверзлась бездонная черная дырка – там же, где пару минут назад плодородили огурцы и мертвая тетя Катя чуть не задубела от холода. Нет больше никаких огурцов. Только голодная пустота. А из дыры, цепляясь ржавыми крюками, пробирается Олин папа. Он похож на разъяренное, опасное насекомое. Точным прыжком он прорвался на сцену, всосал цепи вместе с крюками в свою воронку-вместо-лица, сожрал их и теперь хищно осматривается...

Оля вздрагивает:

– Ой...

– Да не бойси! Мертвые обычно не хотят нам плохого сделать. Даже твой папочка. – Бабушка беспечно мешает суп и напевает.

– Угу. – Оля уставилась в остывшую чашку чая.

– Ты это, если кто-то придет, то ты во сне перекрестись. Помнишь хоть, как надо креститься? Ну, как я тебя учила,

покажи, не ленись.

Конечно же помнит, ведь она такая хорошая, благодарная ученица. Оля послушно собирает пальцы в «святой бутончик» – большой, указательный, средний, все вместе. Как будто собралась приправить заколдованным перцем тарелку улиток, сваренных в масле. Говорят, что кто-то ест эту гадость, буэ! Бутончик из Олиных пальцев бегло касается лба, прыгает к пупку, к правому плечу и к левому плечу. Так трижды. Интересно, а улитки попадают на небеса? Оля заслужила награду – бабушка дает ей застарелую вафлю и продолжает учить.

– И значит, перекрестись там, встань так уверенно. – Бабушка демонстративно расставила ноги пошире. – И спроси, что мертвому нужно. Но они обычно сами болтают. А ты слушай и запоминай. И потом делай, что просят.

– Ба, а значит, папа может прийти?

– Может, деточка.

– Ясно... – Оля сунула вафлю в карман – чуть позже скормит муравьям в огороде. – А к тебе, э-э... он когда-нибудь приходил?

– Ой, да куда там, придет он, конечно! Ни живой ни мертвый не приходил никогда – не дозовесси! Говорю ему было... Олежа, принеси воды рассаду полить. А я что? Хрупкая пожилая женщина! Одна на себе весь дом! А он мне знаешь чего? Мм? Говорит, не нервничайте, МНЕ говорит! Я читал, говорит, что полив лучше производить на закате! Рас-

слабьтесь, Светлана Степановна! Не пе-ре-жи-ва-й-те!

Бабушка нервно стучит ложкой по кружке, ди-ди-ди, ди-ди-ди, дилинь-цыыыы, как заведенная кукла. По ее шее ползут красные пятна. Она растирает их и все дзынькает ложкой. Бабушкина рука, похожа на вздувшуюся венами карту с темными пятнами стран, горами-родинками, складками кожи – дорогами. Оля отправляется в воображаемое путешествие – ей скучно слушать одно и то же по кругу. Она и с первых десяти раз все прекрасно запомнила про полив. Оля хочет думать о чем-то приятном – про кошек, мороженое или Деда Мороза, но все время соскакивает.

«Ди-ди-ди, дилинь-дилинь!»

Вообще, о папе не принято говорить. Оля знает о нем совсем немножечко – умер, когда она была еще маленькой, много читал, сидел с мамой за одной партой, влюбился, служил в армии, родилась Оля, а потом он просто вышел из дома и не вернулся к ним – умер. То делал, того не делал, убился, рассуждал про полив, но ничего не полил. Как говорит бабушка Света, был непутевым. Все этот его характер. Однажды бабушка рассказала, что Оле не повезло и ей достался папин характер. Поэтому Оле надо стараться быть хорошей, потому что кровь не водица – это серьезно и навсегда. И что она уже в ней, эта кровь, – внутри Оли. В каждой клеточке и ноготочке, даже в том, как она морщит нос или чешет ногу.

А мама вот как-то сразу грустнела и уходила от папиной темы. Один раз она даже заплакала, хотя Оля всего лишь

спросила, как отправить папе открытку ко Дню всех защитников. Пол-урока Оля считала ворон – ведь нет у нее никаких защитников, но потом была отругана классной. Лариса Андреевна тогда объяснила, что рисовать ей все равно надо, потому что, ну, так положено, и что папа эту открытку как-то все-таки прочитает, хоть его в мире и нет. Оля тогда не все поняла. Точнее, вообще ничего. Вот и спросила. Ма, а куда, если что, отправить открытку для папы? А как папа прочитает эту открытку? Он же ее прочитает? Мне в школе сказали! А мама как давай плакать. В другой раз мама случайно вдруг рассказала, что познакомилась с папой в школе, но тут ничего интересного. Еще пару раз говорила, что папа был хорошим человеком. Но говорила она так грустно и тихо, что в ее слова просто невозможно было поверить. Поэтому Оля маме не верила. В общем, мама в вопросах папы чаще молчала, и Оля уже и не спрашивала.

В доме у бабушки Зои – папиной мамы папа тоже был под запретом. Тут не было его фотографий, открыток, рисунков, хоть каких-нибудь напоминаний. А говорить о папе бабушка Зоя совсем не хотела – она делала вид, что не слышит вопроса, или говорила о чем-то своем, или мыла полы. Оля догадывалась, что раз дело дошло до полов, то бабушке очень грустно. Например, когда Оля грустит, бабушка гонит Олину грусть делами, особенно – поломойством. Говорит, помоешь полы, и душа в тонусе, и глаза сухие. А если полы уже вымыты, то шторы можно погладить, или за хлебом сбегать,

или тяпкой потяпать, или двор подмести, или в сарае прибраться, а там уже и полы можно перемывать. Полы в доме у бабушки Зои всегда-превсегда были вымыты начисто. Она говорила, что с них можно есть, как с тарелки. И кажется, никогда не грустила. Вот у Оли так не очень срабатывало – она была как бы мушкой, а грусть – липкой лентой, Оле надо было немножечко вляпаться в грусть, чтоб вляпаться уже насовсем. Поэтому Оля очень часто мыла полы. Ну и в магазин бегала и все остальное тоже, но если по-честному, то от деланья дел Олина грусть совсем никуда не девалась и даже наоборот – пускала новые усики и только крепче вращалась в Олин хребет. Но бабушка говорила, что терпенье и труд все перетрут, а грусть же тоже считается «всем»? Выходит, что так. Значит, надо побольше стараться. У бабушки же вот срабатывает.

Как-то Оля решила призвать даму пик – она рисовала на зеркале в ванной лесенку, шептала заговор, долго смотрела на свое отражение, но ничего не вышло. Оля чуть-чуть расстроилась и поэтому мыла полы, терла насухо свежewe-мытую посуду, потом чуть-чуть погуляла с Полинкой, забегалась, вымылась, мультики перед сном – и о даме совсем забыла. Но этой же ночью, проснувшись от жажды, Оля услышала что-то престранное по пути в кухню – глухие завывания из ванной комнаты. Дама! Дама пришла! Жуть какая! Оля хотела бежать, но не могла бежать, хотела молиться, но не могла молиться – одеревенела совсем. И пока стояла

вот так, приросшая, расслышала, что дама-из-ванной не то чтобы воет, а кажется, плачет. Оле стало чуточку жаль даму-из-ванной, хотя девочки говорили, что дама может сожрать сердце или того хуже – утащить с собой в зазеркалье. Войти к даме или хотя бы ей что-то сказать было слишком пристрашно, и, пока Оля решалась, она расслышала в вое за дверью: «О-олежик, О-олеж, сы-ыно-ок». Оля мигнула. Что это плачет бабушка Зоя, она поняла далеко не сразу – проще было поверить в даму. Оля не могла оторваться от слушанья. Сколько она вот так простояла? Пятки совсем замерзли. Бабушка вдруг притихла, потом завозилась, скрипнула ручка двери. Чуть не застуканная, Оля спряталась в вешалку с зимней одеждой и замерла. Прикинулась пальто в клетку. Бабушка долго возилась со свечкой – та постоянно гасла. Бабушка чиркала спичками, и прихожая озарялась яркими вспышками. Оля рассматривала заплаканные бабушкины глаза. И толстую каплю, скользнувшую из бабушкиного носа, сорвавшуюся во тьму. Бабушка двигалась неуклюже, не так, как всегда. Оля не сразу поняла почему, а потом заметила: бабушка пыталась зажечь свечу, не выпуская из-под мышки толстую папку, перемотанную красной бечевкой.

Всеми своими жидкими ночными косичками, подколенными ямочками, заусенцами и блинами зрачков Оля чувствовала – в этой папке спрятан какой-то чудом уцелевший папин фрагмент. Или секрет. Кусочек души? Стопка любовных писем? Баб Зоя вдруг оступилась и навалилась на стой-

ку с одеждой, вжав внучку в стенку шкафа всем телом. Но обошлось, не заметила Олю. Свечка снова погасла, бабушка не стала ее зажигать, немного поохала и ушла. Оля же пряталась под толщей пальто и курток, пока не досчитала до двух тысяч с хвостиком. И только потом беззвучно прошмыгнула в свою комнату, нырнула в прохладные одеяла, но так и не заснула аж до рассвета. Она точно знала, что где-то в доме у бабушки Зои есть какой-то особый папин тайник, и гадала, где он.

Дилинь-дилинь! Дилинь-ди-ди-ди! Бабушка Света все раздраженной мешает остывший чай.

– Ба, а можно мне тоже чай?

Лучшим способом вывести бабушку из раздражения были вопросы кормления – она уже зазвенела блюдами.

– А, кхм... ба, мертвые приходят когда захотят?

– В смысле, деточка?

– Ну, тетя Катя тебя как-то предупредила? Может, звонила заранее?

– Не звонила, моя золотая.

– Ясно.

– Но чаще всего они приходят... – Банка с абрикосовым вареньем никак не открывается, прыгает в бабушкиных руках. – В ночь... Да будь ты неладна!

Осознав возможность папиного визита, Оля прокручива-

ет в голове варианты: в ночь перед Рождеством! Первого сентября! Второго вторника месяца! Именин Святослава Ивановича! Сбора урожая черешни! После дождичка в четверг!

Олины глаза стали похожи на гигантские влажные пуговицы.

– В ночь перед... – Бабушкины щеки раздулись и покраснели.

Субботой! Рыбалкой! Масленицей! Простудой! Хорошим урожаем капусты! Фестивалем народной песни! Поездкой на море! Ангиной! Контрольной по математике!

– В ночь перед днем рождения, фух... – Крышка банки наконец поддалась и щелкнула, бабушка крякнула, засахаренные абрикосы лениво поплыли в блюде.

– Моим, бабушка?

– Своим, деточка.

– Твоим?!

– Типун тебе на язык! Перед днем рождения усопшего. В этот день мертвый может, скажем, попросить у живого подарок.

– Ба, а когда день рождения у папы?

– ПЧХА! – того марта. Охх...

Бабушка Света смачно высморкалась в салфетку. Оля ее не то чтобы расслышала, но и не переспросила, только сильнее вжалась в диван. Любой ответ будет страшным – сегодня второе марта. Завтра третье. Послезавтра... Что-то холодное уронило за Олин шиворот, мураши по спине. Она огляну-

лась, а сзади ничего не было.

Папа ведь уже приходил – выглядывал из кадки летнего душа, пытался схватить мертвецкой рукой из-под кровати, караулил Олю, затаившись в платяном шкафу. И он не говорил ни-че-го. Никогда. Только булькал, скалился и трещал. Это какой у него должен быть жуткий голос, если он вдруг заговорит? Но в этот раз все будет совсем по-другому – Оля чувствует, что папа придет.

Просто перекреститься и спросить его, что нужно сделать. Всего-то перекреститься и выслушать папину просьбу, подумаешь? Перед сном Оля по кругу пугала и успокаивала себя. Обнимала себя за плечи. Баюкала. Куталась в толстый кокон-из-одеяла и представляла себя упитанной гусеницей. Может быть, папе скучно и он попросит принести ему книгу на кладбище? Чесала пятку. Стянула носки и скинула вниз – в подкроватную бездну к чудищам. Двухвостая анаконда Звездочка легко подцепила их и натянула носки на оба своих хвоста. А вдруг папа попросит рассказать ему таблицу умножения? Утробно загудел холодильник. Оля тихонечко ойкнула и перевернулась на правый бок. Ей жарко. Тесно. Она сонно моргает, разворачивается. Медленно стынет в поту и заворачивается обратно в кокон. Или вдруг он попросит ее полюбить есть вареную морковку? Фу! Или... Оля уже превратилась в бабочку? Подушка колется перьями, как ни крутись. Оля переворачивает ее холодной стороной к любимому-для-сна-уху. Сопит. Вертится. Пялится в

точку перед собой. И вдруг проваливается – оказывается не здесь-и-не-там-а-по-ту-сторону. Оставляет свой дом где-то далеко-далеко – понимает, что падает с бесконечной лестницы. Хватается за ступени, но они рассыпаются – хрупкие, как скорлупки. Оля бьется боками о твердое нечто. Царапает руки. Рвет свои красные рейтузы для сна с застиранным Микки-Маусом. Перед глазами мигает и крутится безумный калейдоскоп. А сверху над лестницей и над сценой падения разинулась черная бездна, прямо как в Олином цирке. Девочка то будто бы видит себя со стороны – маленькую, жалкую, пыльную, то снова влетает в собственное Олино тело и жмурится, чтобы закончить этот кошмар, вырваться из него. И этим зажмуриванием нечаянно переключает камеру сна снова и снова. Прыгает то туда, то сюда! Хватит! Девочка затыкает уши, слышит, как что-то скребется под черепом. Оля? Сверху грохочет. Папа? Папа! Девочка бьется о что-то твердое, хватается руками воздух, тянется к темной дыре. Помоги! Забери меня! Даже если будет щекотно! Снова стукнулась о что-то и отлетела вбок. Разодрала спину до ребер, кожа лохмотьями. Папа, пожалуйста! Из воронки снова грохочет, гром смеется над девочкой: не-пришел-не-пришел-не-пришел-и-нет-его-здесь-как-всегда-и-не-было-и-не-будет-здесь-и-нигде-не-будет-его.

Его не было под кроватью. Его не было в бачке унитаза, в пачке макарон, в грязном белье, в кошачьей лежанке, в почтовом ящике, в сумке с пакетами, в коробке с карандашами,

в остывших домашних тапочках. Нигде. Он не пришел к ней.

РТР, 13:00

Анимированная заставка. Черно-белое фото, на нем обнимаются безымянные люди. Красным курсивом поверх – название передачи «Ищу тебя». Звучит мелодия «Опустела без тебя земля». В кадре общий план студии ТВ-шоу – фон из экранов черно-белых телевизоров. На экранах пейзажи городов России: Пермь, Чита, Воронеж, Иркутск. Ведущая в центре кадра в ярко-красном брючном костюме, с круто налакированной челкой, улыбается и начинает эфир:

– Здравствуйте! В эфире программа «Ищу тебя»! Я очень рада снова встретиться с вами. В нашей студии работает многоканальный телефон, его номер вы видите на экране. Мы в прямом эфире, и, если мы ищем именно вас или вы можете помочь в поиске, звоните!

Ведущая подходит к зрителям на трибуне и передает микрофон пожилой женщине с крутыми плечами и задорным хохолком.

– Я Лебедева Изабелла, ищу юношескую нержавеющей любовь – Астахова Александра Михайловича! Красивого донского казака! Пожалуйста, если он меня слышит, пусть вспомнит нашу родную Волочаевскую улицу! Я всю жизнь тебя ищу и до смерти любила, люблю и буду любить! А раз увидеть, так и помереть можно!

– Ну зачем же умирать? – улыбнулась ведущая и подмигнула в камеру. – А вы, Александр Михайлович, если слышите нас, то обязательно выходите на связь! А вы кого ищете?

Ведущая передает микрофон пожилой даме в очках в роговой оправе, из-за линз ее глаза кажутся неестественно маленькими.

– А я ищу любимого друга, с которым мы занимались в спортивном обществе ДСО «Труд», он был гребец на каноэ. Он прекрасный человек, и я его обидела. И мне очень хочется, чтобы у него все было хорошо. – Женщина невпопад хохотнула.

– Это тоже была любовь?

– Да, с моей стороны была любовь. А с его... а он не успел объясниться.

– Ну, вы думаете, что он вас любил?

– Ну, в общем, по поведению все было, да.

– Мы еще поговорим с вами. – Ведущая возвращается в центр студии – к красным креслам, расположенным друг против друга.

– Хорошо начинать программу с любви. – Улыбается. – Эта история тоже о ней: пятьдесят два года назад в Волгограде встретились шестнадцатилетняя школьница и курсант Суворовского училища. Первая любовь. Первая разлука. Первая и последняя – больше они не виделись. Я приглашаю Лангину Ивановну Подгаецкую, героиню этого романа, к нам в студию.

Звучит мелодия «Опустела без тебя земля». В студию входит старушка с аристократической дулькой на голове. На ней нарядное темно-синее платье, белые чулки, начищенные туфли. Она выглядит немного потерянной, но в глазах ее светится надежда. Белые пряди выбились из прически, руки чуть заметно дрожат.

– Лангина Ивановна, расскажите нам вашу историю любви. Что ж сразу плакать-то? Мы про любовь, а вы плакать! – Ведущая поддерживает Лангину за локоть и усаживает ее в кресло. Лангина оглядывается и промокает глаза платком. Ведущая садится напротив нее. – Ну, как вы с ним познакомились?

– Случайно... Я ехала в электричке, мы тогда ездили собирать цветы за город. Красивая, молодая, с целой охапкой цветов. И на станции уже в тамбуре поскользнулась и как упаду! Вся измаралась, как черт-те что...

– Да что вы говорите?!

– Тут Женя меня и поймал в самый последний момент, представляете? Такой весь он был, в форме... А я, получается, прям в руки его... – Лангина говорит все тише и медленнее.

– Как романтично!

– Да уж... А на станции его уже ждали друзья из училища, и все четверо вызвались меня проводить, представляете?

– Вы имели успех! – Ведущая улыбается госте.

– Но мне так стыдно, так стыдно... Представляете? Вся в

этой грязи, он тоже весь в этой грязи! Стыдно-то стыдно, но я согласилась... Хорошие были ребята. – Лангина краснеет. – Но... все равно... И я, э... повела их к чужому дому, чтобы они, ну, понимаете? Не поняли моего адресу, уж очень мне было стыдно за грязь... Понимаете? Я тогда вошла в чужой подъезд, сидела там, пока все уйдут, и к себе бегом.

– Так и как же вы снова встретились?

– А он меня потом уже за руку у самого моего подъезда поймал, говорит, зачем соврала мне, Лангина? А я давай плакать! Так стыдно было! И сейчас тоже стыдно... Во всем я ему созналась, как смогла... Объяснилась, он подобрел как-то ко мне, все понял, мы назначили встречу. Словом, больше я Женю никогда не обманывала!

– Это как же он вас тогда отыскал?

– Сразу я не спросила, думаю, из-за нервов. Но он говорил потом, как будто бы я роняла свой букет и он нашел меня по цветочному следу, хо-хо. Но я думаю, что он просто хотел познакомиться, вот и подождал меня и сопровождал... – Лангина совсем раскраснелась.

– Получается, что теперь вы ищите Евгения Викторовича! Кто знает, может быть, он прямо сейчас смотрит нашу программу? – Средний план на ведущую, в ее руках фотография юноши в форме суворовца. Он выглядит сонным. – Посмотрите на этого человека, Евгения Викторовича Абрамова, – первую любовь Лангины Ивановны. Дорогие телезрители, если вы знаете Евгения Викторовича или располагаете

информацией о нем, звоните к нам в эфир! – Общий план на ведущую и Лангину в креслах. – Что же было дальше, Лангина Ивановна?

– Мы ходили, много гуляли. В парк, на реку, они с товарищами из училища приходили к нам в школу на танцы, в кафе вместе ходили, и в гости, еще он очень любил голубцы мои и заливное тоже любил, мы были на даче, и там сделали качели, и качались летом...

Лангина впервые улыбается за время эфира. Ведущая терпеливо кивает рассказу гостыи.

– Скажите... И как же все это кончилось? – (Лангина Ивановна запинаясь. Ее руки дрожат.) – Вы расстались?

– Технически нет... – Лангина Ивановна поправляет локон, выбившийся из прически. – То есть мы и не ссорились даже. Общались, все как всегда, а потом он говорит мне, что поедет в Ростов к родственникам, с собой звал, я постеснялась, а он поехал. Потом вернулся, забрал документы из училища, говорит, что дом на родителях, что надо помогать, что вернется и восстановится позже, а я чтобы училась, и... В общем, мы все очень удивились тогда. Так и простились, да. Были письма, но очень сложно все это на расстоянии. Хоть и писал, что приедет потом. И что любит, но дел невпроворот, хлопоты, что он не может оставить, а потом... Как-то оборвалось. Вот и ищу сейчас эту ниточку...

– Не расстраивайтесь, пожалуйста. – Ведущая гладит Лангину по дрожащей руке. – В нашей программе случаются чу-

деса!

Ведущая развернулась и говорит в камеру:

– Лангина Ивановна, я хочу вам напомнить одну историю, которая была в нашей прошлой программе. Валентина Павловна из Екатеринбурга искала, как она сообщила в письме, свою первую и последнюю любовь – Николая Витальевича Ананьева. И несмотря на то, что прошло более тридцати лет, чуть меньше, чем у вас... Он нашелся прямо во время эфира. А точнее, нашлась его уже взрослая дочь! Она позвонила в студию, и сейчас она у нас на линии! Алло! Светлана Николаевна, здравствуйте! Как поживает ваш отец? – Ведущая смотрит в кадр, крупный план, она улыбается.

– В общем-то, нормально. Он не может сегодня смотреть вашу программу, он сегодня на дежурстве. Ну, мы с мамой посмотрим и ему расскажем.

– Как живет ваш отец? Как сложилась его жизнь?

– Вы знаете, хорошо. И в общем-то, ему даже было интересно, прошло столько лет... Эту историю про Валентину Павловну знает вся наша семья. Там, скажем так, все искажено. Вот этот предполагаемый сюжет. Она его неправильно представила. Дело в том, что... были ли у них там какие-то отношения или любовь... не знаю там, первая или последняя, но дело в том, что тогда, когда они расстались, там еще подруга ее Люська фигурировала. Ну, в общем, понравился ей там один офицер, ну и она вроде как решила, что все-таки офицер и что все будет благополуч...

В кадре Лангина Ивановна. Она растерянно оглядывается по сторонам. Ведущая уверенно смотрит в камеру, кивает и говорит:

– Светлана Николаевна! Ваш отец счастлив, давайте мы не будем версию Валентины Павловны переписывать. Она сказала, что если ваш отец нашел свою судьбу, то она будет за него очень рада! Я надеюсь, что это правда. А как оно было на самом деле... пусть это будет личным делом Валентины Павловны и вашего отца.

– Просто мой папа... Он на всю эту историю отреагировал так... Он считает, что она насмотрелась мыльных опер этих. И что так не бывает, чтобы через сколько лет и искать эту любовь. Если б это была любовь, она бы не вышла тогда замуж за этого, и уже тогда бы что-то. Да? И я вот думаю, что этой женщине, которая ищет этого мужчину, что ей не надо этого делать. У каждого своя судьба, у каждого какие-то свои нюансы в жизни. И чтоб через столько лет! Любовь просто выжить не сможет! Это не так! Не любовь это, значит! И что он...

– Спасибо за ваш звонок. – Звонок отключили.

– Что вы скажете, Лангина Ивановна? Вы согласны? – Ведущая улыбнулась Лангине.

– Нет. Я не согласна, она категорически не права, эта девушка... – Щеки Лангины горят. – Любовь может пережить все – и годы, и горе, и даже смерть сможет пережить!

– Золотые слова, Лангина Ивановна! Знаете, я хочу по-

казать вам одну старую пленку, может быть, вы там кого-то узнаете? – Ведущая кивает кому-то за кадром.

На экране черно-белая запись будней суворовцев, звучит вальс. Движения мальчиков кажутся чуть ускоренными. Мальчики собираются на танцы. Один из них набирает воды в рот и распыляет ее над рубашкой, заносит над ней утюг. Другой прихорашивается у зеркала и зачесывает волосы назад, но курчавый хохолок никак не поддается. Третий с высунутым языком пришивает к форме пуговицу. Наконец ребята выходят на танцы. Монтажная склейка с кадрами из студии шоу: Лангина Ивановна тревожно всматривается в видео. Склейка: мальчики приглашают танцевать школьниц. Они кружатся парами.

– Ну что, Лангина Ивановна, может быть, вы кого-нибудь узнали на записи?

– Ну это Жора там был? Кажется... Больше я никого не помню. Привет ему.

– Да вы что! Узнали кого-то? Георгия?! – Ведущая ахнула и разулыбалась. – Это вот один из суворовцев, который сейчас в нашей студии! Вы представляете? Вот же он!

Пожилой мужчина с красными щеками и зачесанной лысиной встал и зачем-то раскланялся. Лангина внимательно наблюдает за ним, но потом только коротко кивает в ответ и отворачивается.

Ведущая всматривается куда-то за кадр и кивает, ее челка ритмично подпрыгивает.

– Да, я поняла... Дорогие зрители! Дело в том, что прямо сейчас к нам в студию поступил звонок и прямо сейчас нас соединяют. Может быть, это весточка для вас, Лангина Ивановна? – (Старушка заметно оживилась и поправила дульку.) – Алло! Представьтесь, пожалуйста!

Крупный план на ведущую по пояс, она замерла. Наконец подключают линию. Слышны помехи – механические шумы, шорох и бульканье. Ведущая вздрагивает и подает знаки куда-то за кадр.

– Мы устраним помехи, буквально пара минут... – Шум нарастает. Ведущая ждет, но вдруг из-за ее плеча выныривает Лангина Ивановна – ее глаза широко распахнуты и блестят.

Дрожащими руками старушка берет ведущую за плечи и заглядывает ей в глаза, широко улыбаясь.

– Ой... Лангина Ивановна... Мы пробуем подключиться, это чудесно, что кто-то звонит, да! – Ведущая хочет взять старушку под локоть, но та уворачивается и вдруг хихикает. Ведущая мигает в растерянности. Шум и бульканье помех становятся гуще.

– Алло! Алло! – Общий план на студию, Лангина Ивановна радостно хлопает в ладоши. – Алло!

Ведущая сконфуженно улыбается, подает знаки куда-то за кадр. Крупный план на Лангину, ее щеки горят.

– Алло! Женя? Женечка! Алло!

Ведущая встревоженно оглядывается, помехи хрустят.

Лангина хлопает в ладоши, а ведущая обеспокоенно приобнимает ее.

– Алло, Же-ень! Нашелся, мой голубчик, душа моя, нашелся, нашелся! – Лангина Ивановна смахивает слезу. – Спасибо, спасибо вам! – Она целует ведущую в обе щеки. – Спасибо! Спасибо!

– Но, Лангина Ивановна, мы пока что не... – Ведущая приобнимает старушку за плечи и кивает кому-то за кадр, но Лангина не унимается.

– Женечка, мой Женя звонит! Вы совсем, что ли, его не слышите? – Прическа Лангины совсем растрепалась. – Он же вот говорит со мной прямо сейчас! С вами говорит! Благодарит вас! Ну чего вы? Алло, да! Я им так и сказала, Жень, что ты обязательно позвонишь! Женечка мой, столько лет меня помнил! Спасибо! Спасибо вам!

Ведущая придерживает плечи Лангины и замирает. Звонок отключается. Вздурораженная Лангина растерянно оглядывается по сторонам и отстраняется от ведущей, та не отпускает ее и обращается к зрителям:

– Видите, как бывает? Надежда – это... – Ведущая растерянно поправляет прическу. – Я думаю, что самое время сделать паузу... – Ведущая как ни в чем не бывало улыбается. Ассистенты шоу под руки выводят Лангину Ивановну, она выглядит опустошенной. Звучит мелодия «Опустела без тебя земля». Рекламная пауза.

Утро хмурое и бесцветное. Пухлые облака похожи на се-реющие вареники. Солнца совсем не видно. Первой встала Олина мама. Сейчас она заваривает уже четвертый за утро кофий-три-в-одном, но все клюет носом, зевает, путает соль и сахар, забывает кошелек в морозилке, зевает опять, пережаривает омлет, ест горелое, смотрится в зеркало, долго ищет туфли, а они перед самым ее носом стоят, зевает, зевает, зевает. Чуть не вписывается головой в дверь. Какая-то мама сегодня особенно маленькая, а ей еще куда-то там ехать.

Мама ушла на работу в 08:56. В 09:02 проснулась бабушка Света. Мама обычно ходит как мышка, особенно утром, чтобы никому не мешать, но бабушка всегда как оркестр. Как будто ее природа не терпит никакой тишины, а тишину скорее нужно заполнить собой – бабушкой Светой. Она еще лежа в кровати включала радио и только потом надевала тапочки, шаркала или зевала, кашляла, полоскала горло или сморкалась, что-то там открывала и закрывала, звенела, переставляла, делала радио еще громче, болтала по домашнему телефону, сидя как раз у Олиной двери. Поэтому Оля часто просыпалась в разгаре обсуждения соседей, или того, «кто и почему проститутка?», или драматической тирады об Олином непослушании. И это было худшее из возможных утр – только открываешь глаза, и сразу же непослушная, еще тол-

ком ничего и не сделав. Все утро Оля молчит, но бабушка говорит, говорит, с Олей говорит, сама с собой, с кошкой, снова с Олей. Или, может, это у Оли в башке кто-то трещит и не может заткнуться? Оля не понимает. Просто что-то жует и смотрит перед собой. Сладкое или соленое. Кажется, звонит телефон.

– Драсссьте! Забор покрасьте! А? Не слышу! – Когда бабушка Света не слышит, она обычно кричит. – Зойка? Ты? Как из-под земли, ей-богу! Плохо слышно, прием! Чё ты там, зарылась совсем?

Оля представляет бабушку Зою сидящей в глубокой яме без лестницы, и ей не взобраться обратно. Она сидит прям на земле и говорит по домашнему телефону, а провод уходит в землю. Оля скукожилась и ущипнула себя.

– Олечка, тебе баб Зоя передает привет! Целует тебя!

– А...

– Она скоро будет уже, собирайся!

Оля ничего не ответила. Мотнула головой – прогнала видение с ямой, смотрит в окно, не жует, трогает ребра, думает, как хорошо, что дом бабушки Зои всего-то одноэтажный и не придется ходить по лестницам. Задирает майку, смотрит живот, бока – там нет ни одного синяка, но все как будто бы ноет. Особенно между ребрами. Боль, как тугая повязка, – ее хочется развязать, снять и убрать в ящик. Бабушка Света что-то еще говорит, говорит, говорит, это все залетает в одно и вылетает в другое Олино ухо. Оля совсем зависает.

Потом появляется второй голос – баб Зоя пришла. И тоже что-то там говорит. Потом Оля вроде бы чувствует влажные баб-Зоины поцелуи, потом ее одевают, водят по комнатам, она или не она собирает какие-то вещи, может быть книжки, одежду, или не собирает, болит между ребрами, Олино тело ходит как-то автоматически. Его передают из рук в руки – на выходные. И теперь бабушка Зоя главная – она что-то там говорит и говорит, то ли Оле, то ли не Оле. Оля споткнулась, ей показалось, что о ступеньку, но под ногами асфальт. Бабушка Зоя взяла Олю за руку и ведет, а Оля не сопротивляется, хоть обычно протестует против такого: она уже не малявка какая-то.

– Олечка, ты тортик какой больше любишь? Может быть, «Киевский»? Или бисквит? А?

Голос баб Зои гудит снаружи и далеко, и близко. Оле захотелось немножечко подсмотреть. На витрине было столько всего – квадратики пирожных, кексы большие и маленькие, темные и светлые, пятна изюма в кексах плывут, рулеты, наполеон огромным куском, муравейник, кремовые цыплята, рулет в орехах, кремовый торт с цветами, ромовые бабы и, конечно, трубочки с кремом. Оля хочет сказать, что хотела бы ромовую бабу, но не успевает.

– Свежий? Хороший? – Бабушка Зоя отпускает Олину руку и орудует кошельком, Олина рука виснет. – Тогда давайте нам медовик, девушка! Нет, больше ничего не надо. Нет-нет-нет! Нет, спасибо! Да, пожалуйста! И вам здоровья. И что-

бы день, знаете, задался. Да? Да что вы говорите?! Москвичи? Выкупают? Батюшки, что творится... Сволочи! А точно медовик вкусный? Нет-нет, пакета не надо, спасибо! Мы со своим пакетом, да, Олечка? Любишь ты медовик? Так и что вы там мне говорили, девушка?

Интересно, любит ли она медовик? Оля не знала. Она жевала самолепные пельмени, а по телевизору говорили что-то про аномальные зоны, испарение, огни в небе, про рыбу с взаправдашними рогами, про собаку с лицом ребенка. Бабушка Зоя отвечала телевизору, пока что-то вязала, и все твердила, что во всем виновата Америка. Хотя по телевизору говорили, что это было все тут, в России. Оля жевала и смотрела молча – ей очень нравилось это ощущение тайны и необъяснимости. Дальше ванна по распорядку. В ней пузырьки похожи на чьи-то глаза. Наблюдают за Олей. Оля решила, что эти глаза не страшные, и лопнула парочку.

Полутемно. Фонарь за окном горит грязно-желтым, вычертил тени в Олиной комнате. Тени шевелятся, медленно шарят по ворсу ковра, морфируют. Тени похожи на клетку, теперь похожи на глаз, теперь на рыбу с лицом ребенка, на собаку – собака кусает себя. Бабушка давно досмотрела свою передачу и с присвистом, громко сопит. В ванной капает кран. Оля слушает, слушает, слушает, чувствует, нога дернулась как бы сама по себе. Как будто кто-то резко тянет за ниточку, а она как бы кукла. В ванной капает кран. Рука. Как не своя рука. Дернулась. Капает кран. Оле чудится, буд-

то кто-то невидимый тащит ее за ноги вниз.

Слышится.

Кап-кап. Кап-кап, цап-царап. Хлюп-хлоп. Кап-кап. Глаз закрой, цап-царап. И другой, цап-царап. Кап-кап. Зашипело: попалась, попалась!

Оля схлопнулась до размера прежалкой мушки и мечется, бьется под тяжелеющим одеялом – оно вот-вот и раздавит ее, прихлопнет совсем. А она вляпалась, влипла, впуталась в какую-то странную паутину всеми своими ошалевшими чувствами.

Но тело как будто отделилось от чувств, приклеилось к простыне, взмокшее, обездвиженное.

Кап-кап. С виска, по изгибу черепа. Ползет капля испарины. Нырять в простынные впадины. Льется, сочится ужасом. А тело не может двинуться, дернуться.

Оля несется как бешеная и скачет.

Отдельно от тела.

Она как будто видит себя, но снаружи и тянется, тянется к телу обратно и не может, не может совсем. Капает, капает кран, капанье подгоняет, отдаляет ее, уносит все дальше и дальше.

Олино тело окаменело, стало чужим,росло в полосатый матрас с пружинами, натянулось и стонет беззвучно, бьется,

рвется, но не может сдвинуться с места. Оля видит себя, но как будто со стороны. Всю в ловушке из простыней, паутин, видит последнюю тонкую ниточку рядом с собой и тянется, тянется к ней со всех издыхающих сил и беззвучно вопит.

Вдох, резко села.

Руки к горлу. Ощупала – тело на месте. Дышит. На месте желтый фонарь за окном. Тень ползет по ковру – тень похожа на рыбу без глаз. Скрипнуло вдруг. Шкаф приоткрылся. Шкаф скрипит неестественно громко, открывается и открывается. Этот скрип, похожий на плач, похожий на стон, на ломаный, на визг. Скрипит все громче и громче, певуче, надрывно звучит. Будто шкаф специально кто-то открыл, чтобы... Нет, как будто он сам по себе вдруг решил и открылся, разинулся, чтобы известить Олю до чертиков. Дверцы шкафа как будто ожили. Ходят туда и сюда и скрипят. Хватит, закройся уже! Подскочила.

Кое-как схватила за ручки шкафа, а они вырываются, бешеные, хотят ее прищемить, зажевать, поймали, жуют, попалась! Попалась!

И Оля была зажевана шкафом. Оказалась захлопнутой, запертой, а шкаф наконец-то застыл.

Закрыта? Н-но... как же? Пробует выбраться, а дверцы не поддаются.

– П-пусти! – Пищит и тоненько всхлипывает.

Оле никто не ответил.

– П-пожалуйста! П-пожалуйста!

Барабанит кулаками по дверцам – они неподвижны. Олин голос срывается.

– Ну что ты опять здесь устроила? – Снаружи голос бабушки Зои.

– Б-ба! Б-ба! Я тут, здесь! Я, э-э... я тут застряла, ба!

– Ну, горе-ребенок, горе-девочка...

Бабушкин голос звучит как будто отовсюду. Шкаф странно качнуло, и Оля съехала вбок.

– Тихо сиди!

Оля всхлипнула и сжалась в комочек.

– Б-ба? – Носом шмыг.

Шкаф качает, и на Олю сверху падают какие-то вешалки.

– Не ной! Мы опаздываем. – Снаружи голос бабушки Зои.

Шкаф подхватило, несет, качает, а Олю мотает внутри. Она то стучится и плачет, то просится выйти, то просит прощения. Может, она что-то не так... Или что-то было не так... Или, может, бабушка проснулась от шума и поэтому разлилась? Да пусть что угодно! Скорей бы выйти отсюда! Но не срабатывает, бабушка не отзывается, а только шипит. И Оля больше не может просить, а просто воеет сиреной.

Вдруг щель между шкафных створок загорается ярким светом и слышатся голоса. И кажется, там еще бабушка Света? И кажется...

– МАМОЧКА! МАМОЧКА!

Шкаф трясет. Он ударяется о что-то твердое снизу. Потом еще что-то стукнулось сверху, и Оля сжалась в комочек.

– А ну, не позорься, ну что за манеры-то? – отовсюду гудит голос бабушки Светы. – Это все ваша порода!

– Сама не позорьси! – Бабушка Зоя в ответ. – Скажешь еще, по-ро-да... – Цокнула языком и наверняка закатила глаза. – Все это вос-пи-та-ние! Совсем ее распустили. – Слышится гулкий стук.

– Так, ну, давайте садиться... – Голос Олиной мамы звучит в отдаленье. Может, она просто ее не расслышала?

– МА! МА-А-А! МА-А. – Олин голос переломился, сорвался на писк и пропал.

– Сынок! Сыночек! – Голос бабушки Зои радостно. Слышен звук поцелуев. – Наконец! Здравствуй, родной! А по-серел-то как! Побледнел! Ну совсем как жердь, ей-богу, худющий!

Бабушке никто не ответил. Слышно только возню. Вокруг что-то звенит, толчется, шепчет и бренькает. Оля сидит как мышка.

– О-олеж... – Слабеющий голос Олиной мамы. – Я...

П-папа? Т-тут?! Оля вся замерла, только сердце стучится. Порывисто обнимает собственные коленки.

– Ну, давай я скажу первой, зятек... – Бабушка Света. – Ты у нас, конечно, кхм... – Прочистила горло. – Был... совсем не подарок. Нет, ну а мы что? Изверги, что ли, какие? Мы – семья! Поэтому надо поздравить, и я тебя, Олеж, поздравляю! Мы тебя поздравляем! От чистого сердца! Ну, давайте скорее выпьем и чокнемся!

Перезвон бокалов.

– Да, мой родной! – Голос бабушки Зои. – Желаем тебе самой долгой и самой счастливой загробной жизни! Пусть, э-э... каждый непрожитый день будет наполнен теплом и... эм... Светом!

– И пусть черви не жрут! – влезла бабушка Света и едко хихикнула. – Ну ты, Зойк, скажешь, конечно, какой под землей свет-то?

– Светлан! – шикнула бабушка Зоя. – Ну и язва ты!

– Нет, ну а чё? Кто бы хотел, чтобы его жрали черви? Хорошее поздравление!

– Н-никто д-действительно... – Голос Олиной мамы. – Олеж... я тоже хочу сказать. Мы тебя... Не забыли, и...

Оля совсем не поверила этим словам и тихонько заплакала.

– ...и кое-что тебе приготовили... Надеюсь, тебе понравится!

– Точнее, кое-кого! – Голос бабушки Светы задорно.

– Д-да... Кое-кого. С днем рождения!

Олю слепит яркий свет. Оля жмурится. Первое, что она видит, немного придя в себя, – это громадные мамины ноздри, громадные мамины руки, и руки эти громадные мелко-мелко дрожат. Мама-гигант – она больше, чем дом, настоящая великанша. Оля ползет назад, машинально, Олины губы дрожат, Оля вжимается в стенку шкафа спиной. Мотает головой из стороны в сторону, выводит губами беззвуч-

ное «нет», но не может издать ни звука. Рядом с мамой расселись такие же громадные бабушки Света и Зоя, а между ними по центру сидит Олин папа. Тоже огромный. Похожий на смерч, его воронка вместо лица как темное грозное облако.

– Родной, с днем рождения!

– Поздравляем!

– Поздравляем тебя.

Все чокаются прямо над Олиной головой, ее глушит звон, ее заливает шампанским. Оля мокнет до нитки, дрожит и даже пискнуть не может. Мама, как мама-кошка котенка, цепляет Олю за шкурку и сажает к отцу на ладонь. Под собой Оля видит накрытый праздничный стол, гигантский, как стадион. Только вместо картошки и курицы с оливье по салатницам и тарелкам рассыпаны комья земли, а в них извиваются черви.

Ни мама, ни бабушки не смотрят на Олю, они с аппетитом накинудись на червей с шампанским. Папа подносит Олю прямо к воронке, кажется, что вот-вот и сожрет, н-но... Вдруг из воронки грохочет, и Олю обдаёт замогильным холодом.

– Как это «что это»? – Бабушка Света картинно вскинула бровь-коромысло. – Кровинка твоя!

Воронка снова гремит и темнеет.

– Э-это н-наша Олечка! Оля, поздоровайся, поздравь папу! Скажи, как ты его любишь! Скажи, какая у нас ты хо-

рошая! – лопочет Олина мама.

Оля не может издать ни звука, как ни старается.

– Ольга... – шипит бабушка Зоя. – Ну что за некультурный ребенок? Сынок, она у нас... э-э... хорошая девочка, просто... э-э... Стыдится вот.

Из воронки гремит. Презрительно?

– Почему она такая мокрая и жалкая? Ну... немножко промокла... Это... Сейчас! – Бабушка Зоя старательно промокает Олю гигантской салфеткой, и Оле почти что нечем дышать – закашлялась, кружится голова. – Вот! Загляденье! Как новенькая, смотри!

Из воронки недовольно гремит.

– Как это... не твоя? Это ж вылитый ты! – возмущается бабушка Света. – Ну, папаша...

– Олеж... – Олина мама шмыгает носом.

Из воронки снова гремит, и папа разжимает гигантские пальцы, а Оля падает вниз и плюхается на горку земли с червями-гигантами. Руки ее провалились и тонут в мягком. Оля чувствует что-то скользкое, но замороженно наблюдает за тем, как папа берет вилку и размашисто бьет себя в грудь острыми зубьями – раз, два, раз, два, еще и еще, и шесть-семь-восемь, девять, раз, два, три, четыре. Из папиных дыр в груди течет что-то черное, вязкое, заливает рубашку и стол. Олина мама плачет.

– А я ж тебе говорила!

– Нет, это я ж тебе говорила!

– Нет, я говорила!

– Нет, это я тебе говорила! – ругаются бабушки.

Папино тело падает прямо на стол и замирает, воронка-вместо-лица светлеет и тает. Посуда со звоном падает на пол. Оля барахтается в земле. Оля тонет в земле. Червь обвивает Олины ноги и тянет вниз, зарывается и тянет вниз. Земля лезет в нос, в рот, залепляет глаза, и Оле совсем нечем дышать. Олина голова кружится. Олино тело как каменное, но ноги как будто ватные, а в легких горит. Ее тянут вниз. Вниз. Вниз. Камнем.

Олино тело окаменело, стало чужим, вросло в полосатый матрас с пружинами, натянулось и стонет беззвучно, бьется, но не может сдвинуться с места. Оля видит себя, но как будто со стороны. Посиневшую, бледную, взмокшую.

Вдох, резко села.

Руки к горлу. Ощупала – тело было на месте. С присвистом, сипло дышит. На месте был желтый фонарь за окном, на месте чашка воды на тумбочке, на месте ковер. Тень ползет по ковру – похожа надохлую собаку в клетке.

Вдруг что-то падает сверху. Прямо с потолка. Прямо в Олины ноги.

Оля визжит и барахтается в простынке и одеяле, а что-то уже отскочило от Оли, как от огня, и метнулось в сторону шкафа.

Теперь это что-то барабанит по схлопнутым дверцам,

бьется о шкаф, скулит, хочет его как-то открыть, но не может, не может, не может.

Маленькое.

Стучит кулачками? Плачет?

Оно...

Как ребенок? Кажется, даже меньше, чем Оля. Всмотрелась...

Это был маленький папа с воронкой вместо лица. В перепачканной черным рубашке. С вилкой-убийцей, торчащей из рваной груди. Папа бессильно повис на шкафу и тянет-потянет, он перемазал все черным и липким, стонет, потом снова воеет и бьется о закрытые дверцы, тянет за ручки, потом отталкивается от шкафа ногами, падает, снова дергает, дергает, дергает. Оборачивается, смотрит на Олю. Он хочет сбежать. Он боится. Кажется, он ее ненавидит. Оля забилась под одеяло, задрожала и разрыдалась.

– П-прости-и-и-и-и! – Подвывает, всхлипывая. – П-прости-и-и-и!

Вся залилась слезами.

Все залила слезами.

Могла бы досчитать до тысячи несколько раз, если бы считала. Потерялась во времени. Могла бы заметить, как на слезных волнах мимо кровати плывут тумбочка, тапки и кружка, но слезы заливают глаза.

Кровать качнуло – плывет, как настоящий плот. Оля падает в слезную воду и задыхается.

Олино тело окаменело, стало чужим,росло в полосатый матрас с пружинами, натянулось и стонет беззвучно, бьется, но не может сдвинуться с места. Оля видит себя, но как будто со стороны. Побелевшую, бледно-зеленую, взмокшую. Ее тело беззвучно вопит и корчится.

Вдох.

Руки к горлу. Не может? Руки как приросли, как не свои, как налились свинцом. Дышит, дышит, дышит. Но не может пошевелиться. Видит – на месте желтый фонарь за окном, на месте чашка воды на тумбочке, на месте ковер. Тень ползет по ковру – похожа на рыбу. Рыба с лицом ребенка кусает собаку в бок, из раны валятся черви. Зрачки прыгают к ручке двери в надежде поймать спасительное движение, тупо пытаются в пыльный светильник, прыгают к шкафу, но никогда не сунутся на него – нет-нет-нет. Слишком уж страшненько. Оля знает и точно чувствует, что на шкафу сидит папа и пугает ее. Папа умер, когда ей исполнилось три с хвостиком. А теперь он приходит с кладбища, будит вот так по ночам, сидит на шкафу и пугает.

Папочка разинул свою-черную-дырку-вместо-лица – голодный портал, беззубый ледяной рот, соединяющий мир живых и мир мертвых.

От-тчим н-наш...

Как вылетело из головы.

ПОМОГИ, ПОМОГИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИ, ПО-

ЖАЛУЙСТА, ПРЕПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИ, ПУСТЬ
ВСЕ ЭТО ЗАКОНЧИТСЯ, ПОМОГИ, ПОМОГИ, ПОМО-
ГИ.

Хочет креститься и не может креститься. Хочет закрыть
глаза и не может закрыть глаза. Хочет кричать и не может
кричать. Хочет издать хоть какой-нибудь звук и не может.

Олино тело окаменело, стало чужим.

Олино тело окаменело, стало чужим.

Олино тело окаменело, стало чужим.

* * *

– А ну, не киснуть! Подобрались, собрались, а?

– Угу, – буркнула Оля.

– Вот и ладненько! Сейчас покушаем и пойдем.

– Угу.

– Ой, с каркаде что-то не хочется! Эрл грэ-э-эй! Эрл грэ-
э-эйс! – Бабушка Зоя никак не выберет чай к завтраку. – Мо-
жет, такой попьем?

– Угу.

Оля слышит свой голос издалека, как будто из-под толсто-
го стеклянного купола.

– Смотри, что тут у нас.

Перед Олиным телом коробка с тортом. Руки баб Зои про-

ворно накрывают на стол. Они расставляют тарелки – одну, две, три. Режут медовик и раскладывают.

– Ну, держи вилочку. Или тебе ложечку дать?

Оля улетела подальше от тела и представляла себя железной медузой. Со вкусом колы, выкинутой на пляж. Она плавится под горячим солнцем и постепенно тает, стекает в песок.

– Держи вилочку! Тебе чаю или будешь какава?

Песок забавно хрустит, а Оля текучая, липкая и тоже хрустит, и они перемешались. Это даже забавно.

– О-оль, ты чаек будешь?

Оля-из-колы попробовала песок – ничего не понятно. Безвкусный совсем, а как аппетитно хрустит.

Откуда-то сверху, из неба, вырастает рука баб Зои – как будто вместо солнца. В руке чашечка чая. Бабушка звучит замедленно:

– Ты-ы-ы чае-е-ек бу-удешь?

Оля-из-колы перевернулась на другой бок. Сейчас бы лимонных долек! Бабушка опять спросила про чай, и Оля, кажется, что-то ответила или же нет, и бабушка снова спросила. Море-из-газирówki тянется к горизонту, ананасные чайки ловят мелкую рыбу, а потом отпускают. Это такая игра.

– ЧА-А-АЙ? И-ИЛИ КАКА-АО? – Эхом над морем и пляжем.

Оля кричит так громко, как может. А потом солнце вдруг выключается. Льется соленый холодный дождь. Дождь пада-

ет в горячий песок и шипит, как таблетка-шипучка. Песок весь остыл и сдался. Над небом и морем звучит раскатистый всхлип, и пляж тонет в дожде. Б-ба?

Оле-из-колы захотелось убраться в комнате, извиниться или вымыть полы — что-то из этого точно сработает.

— Ба?

Бабушкины глаза стали еще больше — она старалась не сморгнуть подступившие слезы, сдержаться, будто выпучилась. Оля и тело соединились. Не мигая, Оля смотрит на бабушку Зою.

— Я это, все хорошо. Нормально. — Бабушка Зоя оправила кофту и выпучилась еще сильнее.

— П-прости!

Вдруг бабушка разрыдалась. По-настоящему. У Оли побежали мурашки.

— Я не...

— Да все хорошо. Хорошо, деточка. — Бабушка промокает глаза и дрожит. — Просто... Слово в слово же! Эх, от осинки не родятся апельсинки!

Бабушка и плачет, и улыбается. Оля никогда еще такого не видела.

— Апельсинки? — Оля не понимает.

— Олежа... — Бабушка громко высморкалась. — Знаешь, он тоже так. Как бы смотрел. Сидит-сидит, а потом как выключился... И хоть прыгай вокруг, хоть что. Досмотрю, говорит, мам, и это... мусор вынесу... И чего там у него только и не

было, пока смотрел. Пираты какие-то, скелеты, черт его знает что. Досмотрю, говорит, и сделаю... Ему бы сегодня исполнилось двадцать девять лет, деточка. Вот он мне восточку и передал через тебя. Как же вы похожи. То же личико. Те же щеки, глаза.

Бабушка замолчала. Только грустно-прегрустно посмотрела на Олю, улыбаясь и плача одновременно. А потом замерла, дернулась и стала такой, как обычно, – деловитой и бодрой. Только глаза пока что не высохли.

– Так это... Тебе какаву? Или чайку налить?

– Б-ба...

– А?

– М-мы с папой п-похожи?

Бабушка отвернулась от Оли и заговорила через огромную паузу:

– Очень.

– П-преочень? – Оля икает. Торт выглядит аппетитно.

– Преочень. – Бабушка звенит кружками.

– Преочень... А я вот никогда папу не видела. – Оля тыкает вилкой торт. – Может быть, ты сочиняешь?

– Я вот поеду скоро к нему...

– К-КУДА?

– Хочешь, можешь со мной?

ХОЧЕТ, КОНЕЧНО ЖЕ ХОЧЕТ! ОЧЕНЬ-ПРЕОЧЕНЬ ПРЕХОЧЕТ!!!

– Поможешь мне, там как раз прибраться бы надо...

– Д-да! – Оля совсем не любила убираться, но была готова помыть что угодно.

– Н-ну хорошо. Может, тебе уже это... – Баб Зоя вздохнула. – Уже пора к папе ездить.

– Ездить?!

Оля представила, как они с бабушкой приходят на берег зловещей подземной реки. Вода в этой реке темно-красная, она как-то странно бурлит. Их с бабушкой никак не пустят на борт маленькой темной лодки – Оля потеряла билеты и не может найти. Контролер с грозной бычьей головой говорит Оле и бабушке, что ждать будет не дольше пяти минут, – они не могут позволить себе сбиться с графика. Бабушка что-то там говорит, говорит, говорит, а бычьи рога такие преострые. Интересно, можно ли на них жарить шашлык? Нет, наверно, они слишком толстые для того, чтобы быть шампуром. Оле показалось, что кто-то звонит, но она никак не может найти билеты на лодку к папе и перерывает карманы по кругу. Сотни, нет, тысячи карманов. От волнения вся взмокла.

– Алле, да! Что, говорите? Ну мы, хорошо! Да! Уже выходим. Оля-я-а! – кричит бабушка из коридора. – Собирайся, пойдем к тете Вале!

– А? – Оля вернулась в реальность. – Д-да! А П-полина дома сейчас?

– Ну а где ж ей еще быть? На месте твоя Полина.

Первый канал, 16:00

Анимированная заставка. Запущен обратный отсчет от пяти до одного. В паузах между цифрами мигает цветной текст: «Введите пароль». Звучит динамичная электронная музыка: драм-машина, синтезатор. Цвета ярко-кислотные, контрастные. Поле вокруг цифр и текста напоминает шахматную доску с телевизионными башнями вместо шахмат, их элементы вращаются и движутся в такт музыке.

В центре кадра всплывает окно, в нем сменяются изображения: чья-то рука нажимает на клавиши фортепиано, кто-то печатает на печатной машинке, потом кадр с таблицей Сивцева, и кто-то нажимает на кнопки калькулятора. Из окошка вылетают буквы, они складываются в название передачи «До 16 и старше». Камера влетает и проезжает по яркому шахматному полю, как на американских горках. Останавливается перед черной глянцевой сферой. На шаре проявляется название передачи «До 16 и старше».

В студии мы видим молодого парня в окружении ярких цветных экранов, похожих на обложки журналов. На нем кепка, красное поло, джинсы и кожаные ботинки – он выглядит бунтарски, сидит на низком красном пуфе. Камера снимает ведущего снизу и движется на него, немного закручиваясь.

– Здравствуйте, люди! В эфире программа «До 16 и

старше». – Ведущий закинул ногу на ногу. – И, если еще помните, – меня зовут Захар, а близкие друзья называют Дядя Вторник, потому что я появляюсь по вторникам. – Захар подмигнул в кадр. Склейка. Черно-белый кадр, Захар корчит рожицу в камеру.

Играет клип *Gabry Ponte* – «Move Your Body»: вид на футуристический мегаполис с небоскребами и летающими машинами. По аэротрубе бегут музыканты в черных трико. Вид на космический мегаполис с голограммами, небоскребами и летающими машинами, но на улице никого. Музыканты бегут по трубе и попадают на огромный стадион, где на сцене выступают перед пришельцами, мы понимаем – весь город пришел на концерт.

Пение:

Move your body.

Come on now everybody.

Move your body move your body.

Every body, every body.

На сцене танцуют синекожая девушка и приземистый гуманоид. Вдруг на сцену налетает тройка пришельцев, они похожи на бледных и злых вампиров. Захватчики крадут девушку – засасывают ее прямо в бластер и улетают. Но гуманоид успевает отобрать у них пульт управления. Он активирует пульт и телепортируется вместе с музыкантами: они

попадают вовнутрь странного механизма, сражаются с москитами-мутантами, роботами и переключают миры, пока не оказываются посреди таинственных руин. Все это время музыканты поют. Гуманоид и музыканты исследуют руины. Наконец находят синекожую девушку в компании похитителей – она танцует для них на алтаре. Увидев спасителей, девушка машет им, появляется текст поверх кадра: «They are Fans!! They would like to dance with you!» Музыканты, похитители, гуманоид и девушка возвращаются на стадион, пользуясь телепортом, вместе танцуют на сцене и заканчивают выступление.

Пение:

Move your body.

Come on now everybody.

Move your body move your body.

Every body, every body.

Черный экран, на нем логотип передачи «До 16 и старше». Вид на железнодорожную платформу. Ритмичный микс звуков марша, поездов и электронной музыки. Цвета приглушены, пасмурно. Склейка: динамичный проезд камеры вдоль рельсов крупным планом, музыка ускоряется. Вид на серое небо и контрастные столбы с проводами. В небе летит самолет. Камера захватывает брутального парня в джинсовке, вид снизу – парень стоит на платформе. Он закуривает сигарету,

мимо проносится поезд, парень будто не замечает опасное движение рядом и остается спокойным. Гудок. Поезд остановился. Пассажиры заходят внутрь. Парень ловко пробирается между вагонами, зажав сигарету в зубах. Монтаж: двери поезда закрываются, движение за циклируется, как будто двери хлопают в такт музыке. Ритм ускоряется.

Электронный вокал: SMILE, SMILE, SMILE.

Склейка: мы видим парня на крыше поезда, поезд в движении. Герой идет в полуприседе и курит. Поезд опасно качает, мимо проносятся столбы и деревья, парень движется на камеру и улыбается. Общий план, проходка камеры по вагону. Кто-то читает газету, кто-то везет саженцы. В вагоне проходит контроль. Музыка бодрая и динамичная. Голос парня за кадром:

– Ну, удобно от контролеров так кататься.

Мы видим уже знакомого нам парня сидящим на поваленном дереве на природе. Поверх кадра появляется текст: «Миша (Кот), любитель острых ощущений». Он говорит непринужденно, с улыбкой:

– Когда ты внизу сидишь, знаешь, это не то. Это, знаешь, как на обвоз тебя туда кинули. – Смеется. – И тебя везут. Понимаешь? А когда сидишь наверху, совсем уже другое такое ощущение...

Смена позы – герой наклонился вперед, сжал кулаки и говорит с жаром:

– Когда наверху, там все видно, там ветер такой сильный в

грудь, в лицо. На людей смотришь, а люди тебя там не замечают, а если видят, то... – смеется, отмахивается. – У виска крутят, диву даются, одним словом.

Играет бодрая электронная музыка, динамичный монтаж: по рельсам проносится поезд, крупный план на колеса, крупный план на любителя острых ощущений с сигаретой в зубах, Миша идет вдоль путей. Средний план на овчарку на привязи – она лает. Голос диктора:

– Удивлять людей Миша мастер. Его не пугают ни три тысячи вольт над головой, ни двухлетнее лишение свободы за злостное хулиганство по статье двести тринадцатой Уголовного кодекса.

Средний план на Мишу на поваленном дереве. Он закурил еще одну сигарету и смотрит перед собой. Репортер обращается к Мише из-за кадра:

– Что же может заставить вообще нормального человека так вот залезть на крышу?

– Жить неинтересно иначе. Однообразие, понимаешь, оно не нужно. Вот как сказать? Вот, например, работа, да? Например, моя в цеху. Она разная. Вот у меня сварочная сейчас. Она, слава богу, разнообразная. А есть такая, слесарная работа. – Миша перевел взгляд прямо в камеру. – И ты стоишь там и давишь педаль пресса. Это называется обезьянья работа. – Пауза. – Когда сначала нравится, когда встаешь, а через неделю тебе от нее блевать хочется. Ну... – Мотнул головой и опять закурил. – То ж самое и жизнь. Один и тот

же день повторяется у тебя, понимаешь? С работы – домой, на работу, домой, спать, есть – это надоедает.

Склейка: двери поезда закрываются и открываются, движение зацикливается, как будто в такт ритмичной музыке.

Музыка, электронный вокал: SMILE, SMILE, SMILE.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.